

Е. Н. Баранов

Хронотоп Ленинграда в сборнике рассказов Михаила Веллера «Легенды Невского проспекта»

Цель статьи – показать, каким образом взаимодействуют категории времени и пространства в сборнике рассказов «Легенды Невского проспекта» Михаила Веллера, где основная особенность этого процесса, по мнению автора статьи, заключается в оригинальном художественном воплощении советского времени в контексте петербургского пространства.

Ключевые слова: хронотоп, Петербург – Ленинград, граница, семантика пространства и времени, вымысел, миф, действительность, авторская интерпретация, советская эпоха.

E. N. Baranov

Chronotope of Leningrad in the Short Stories Collection by Mikhail Veller "The Legends of Nevsky Prospekt"

This article focuses on interaction of time and space in the storybook "The Legends of Nevsky Prospekt" by Michail Veller, who, according to the author of this article, presents an original artistic embodiment of the Soviet time in the context of the St. Petersburg area.

Keywords: chronotope, St. Petersburg – Leningrad, a border, semantics of space and time, fantasy, a myth, reality, the author's interpretation, the Soviet epoch.

Книга рассказов «Легенды Невского проспекта» с середины 90-х гг. прошлого века является визитной карточкой писателя. Именно после того, как в 1993 г. сборник был издан Эстонским фондом культуры в Таллинне, а в 1995 г. петербургским издательством «Лань» массовыми дешевыми тиражами была выпущена книга «Легенды Невского проспекта», к Михаилу Веллеру приходит настоящая литературная слава мастера короткого рассказа.

В заглавие «Легенд...» вынесено название знаменитой улицы, под ним на обложке обычно красуется фотография Ленинграда середины XX в., на которой изображена не требующая представления перспектива с традиционными, узнаваемыми высотными акцентами-символами величественного города: башня со стеклянным зингеровским глобусом Дома Книги, купол Казанского собора, ярко-красная Башня Городской думы, маячащий вдали шпиль Адмиралтейства... Названием и содержанием своей книги писатель автоматически включается в обширный историко-литературный контекст, пожалуй, самого литературного города России, представленного как академической классикой, так и современниками и почти ровесниками писателя, – это автор «Соло на ундервуде», «Зоны», «Чемодана» (С. Довла-

тов) и русско-американский поэт, эссеист, переводчик, удостоенный Нобелевской премии в области литературы (И. Бродский), чьи имена уже тоже вошли в школьные учебники.

Мы считаем, что будет небесполезным с литературоведческой точки зрения присмотреться к еще одному варианту воплощения в художественной реальности образа города Ленинграда и того недалекого прошлого (с конца 50-х и до начала 90-х гг.), которое еще свежо в памяти современников. Полагаем, что для реализации обозначенной цели необходимо обратиться к литературоведческому термину *хронотоп*. Обоснование данного литературоведческого понятия принадлежит М. Бахтину, который указывает на то, что «литературоведу важно выражение в нем неразрывности пространства и времени как четвертого измерения пространства» [1]. В дополнение к этому В. Топоров отмечает центральную роль понятия «вещь» в космосе конкретного пространства: «Пространство и время можно понимать как свойства вещи. Пространство высвобождает место для сакральных объектов, открывая через них свою высшую суть, давая этой сути жизнь, бытие, смысл; при этом открывается возможность становления и органического обживания пространства космосом вещей в их взаимо-

принадлежности. Тем самым вещи не только конституируют пространство, через задание его границ, отделяющих пространство от непространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение (семантическое обживание пространства)» [5].

Иными словами, категории времени / пространства и наполняющие их элементы изменяются, преобразуются, входят во взаимодействие либо пребывают в статическом состоянии, исходя из видения автора, прибегающего к широким возможностям манипулирования художественным временем и пространством. Использование понятия «хронотоп» при анализе рассказов из сборника «Легенды Невского проспекта» М. Веллера необходимо нам для решения следующих задач:

1. Увидеть веллеровскую *«топонимическую карту»* города и его окрестностей (определить ее масштаб, границы, детальность, резкость, конкретику или обобщенность изображения, точность или приблизительность и т. д.). Тем самым мы приблизимся к пониманию особенностей индивидуального писательского восприятия конкретного места / пространства, к обнаружению особой семантической нагрузки самого места действия, что покажет нам, какое влияние может оказывать топоним на логику повествования. В итоге это должно открыть для нас функциональное назначение избранного «набора пространств» в текстах писателя, то есть способствовать пониманию метафорического языка используемых пространственных декораций.

2. Объяснить *специфику времени* в рамках веллеровского текста, выявить точки соприкосновения художественного «ленинградского времени текста» с советским временем, существующим в рамках хронотопа Ленинграда, с помощью частичного сопоставления исторических реалий с их художественными прототипами в текстах М. Веллера. Это позволит увидеть перечень и функции «вещей», событий реальных и вымышленных, к которым прибегает писатель для создания своего собственного, особого, «ленинградского времени».

Книга «Легенды Невского проспекта» имеет следующую структуру: «Саги о героях» – семь рассказов, в каждом имеется свой центральный персонаж, жизненный путь которого так или иначе связан с Ленинградом и чье имя обычно служит названием («Оружейник Тарасюк», «Марина» и др.) Далее следуют девять «Легенд “Сайгона”», сюжеты которых, если попытаться про-

должить мысль писателя, своим происхождением обязаны (услышаны, рассказаны, придуманы там) культовому заведению в годы застоя на Невском проспекте – кафе «Сайгон». Затем следует серия повествований с медицинской тематикой – двенадцать «Баек скорой помощи».

Характерной чертой объединенных под одним заглавием рассказов является то, что их соотношение с Невским проспектом, да и с самим городом, имеет разную степень пространственной соотношенности с топонимом собственно Ленинграда, который порой даже не является местом основного действия, как в рассказах «Легенда о стажере», «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”», «Маузер Папанина» и др. В таких текстах Ленинград служит общим фоном для повествования. К примеру, в «Легенде о Моше Даяне» название города лишь один раз появляется перед глазами читателя – автор в начале рассказа рассуждает о природе происхождения народных героев и мифах о них: «Когда в мае шестьдесят седьмого года победные израильские колонны грянули через Синай, взошла и в ночных ленинградских кухнях шестиконечная звезда одноглазого орла пустыни генерала Моше Даяна...» [2, с. 99]. И это, пожалуй, одна из самых удаленных точек на общей ленинградской карте повествования.

Первая дата в тексте – 1953 г., когда сталинские гонения на евреев коснулись одного из героев книги, будущего фарцовщика, Фимы Бляйшица, вместе с которым на свет выходит пестрый мир коммунальных квартир, затерянных на бесчисленных линиях Васильевского острова, доброжелательных начальниц паспортных столов и прочих аномалий советского бюрократического аппарата. Общей чертой в «Сагах о героях», как и вообще очень часто в рассказах у М. Веллера, становится внутренний протест персонажа, вызванный отторжением той жизненной ситуации, в которой он пребывает. Веллеровские герои мотивируют свои поступки именно желанием преобразовать действительность, в корне изменить ее. Вчерашний Фима, студент Кораблестроительного института, мечтавший лишь о том, чтобы дописать диплом, становится долларовым воротилой; девушка сомнительного поведения Марина из Соснового Бора в итоге добивается свершения своих мечтаний: ванна с шампанским в ресторане «Нева», лимузин, полное всемогущество... Пространство Ленинграда оказывается недостаточно насыщено событиями, оно становится ограниченным, что лишает героев возмож-

ности реализовать свои способности и либо подталкивает к преобразованию этого пространства, либо заставляет их покинуть его в поисках чего-то нового. Так, в веллеровских сагах о героях буквально прослеживается характерная черта мифологических, фольклорных произведений, – рождение героя как такового начинается лишь после того, как он становится на путь испытаний. И в этом случае время – пространство уподобляется структуре, которая служит герою «огнем, водой и медными трубами». Сам же город выступает одновременно и как источник мотивации, желаемая цель, которую необходимо достигнуть и покорить, и как пространство борьбы, подавляющей и возрождающей героя. «Старый добрый Ленинград» теряет свой магнетизм, становится «не годным для жизни» обновившегося героя. Так половина персонажей оказывается за границей: «И через год благополучно улетел, в четверг венским рейсом, как принято» («Оружейник Тарасюк»); «А через неделю он сдул. С концами... Там сел в автобус и укатил быстро в Швецию, которая не выдает» («Легенда о заблудшем патриоте»); «Смутно подозревали в исчезновении интересы всемогущего КГБ, но эта версия выяснению не поддавалась. Марина, достигнув сияющей высоты, растаяла в ней бесследно» («Марина»).

«Легенды “Сайгона”» обладают уникальной повествовательной чертой «рассказывания заново». Автор художественно осмысляет исконное пространство и время прежнего, уже не существующего Ленинграда «на новый лад» и в силу того, что исходно заданная ситуация уже прежде рассказанных историй в «Сайгоне» (пространство, благодаря которому становится возможным бытие текста, его рассказывание вновь, еще раз) организует возникающую на глазах читателя новую *старую реальность*. Это реальность говорящего «сейчас» рассказчика с параллельной повествовательной установкой на разную степень пространственно-временной вероятности существования описываемых событий и лиц: «Однажды приятель-одессит рассказал эту историю отдыхавшему там прекрасному ленинградскому юмористу Семену Альтову. И Сеня написал об этом рассказ...» [2, с. 214]. Так у читателя возникает ощущение, что рассказываемую историю он уже когда-то слышал и, скорее всего, не один раз, поскольку что-то в ее нынешнем виде полностью узнаваемо, а какие-то эпизоды кажутся совершенно новыми, додуманными. Благодаря этому пространство-время и бытующие в нем события

и герои обретают «еще одно» авторское толкование. В дополнение к этому писатель прибегает к оригинальному способу комбинирования пространственно-временных контекстов, в результате чего художественный текст рождается в специфическом пространстве «между», обретая свое собственное синтетическое экзотическое пространство. Писателю удается соединить «достоверный эпизод» ленинградской биографии Арама Хачатуряна с испанской дачей Сальвадора Дали (рассказ «Танец с саблями»); крематорий и комиссионку в Апраксином Дворе (рассказ «Крематорий»); обычную ленинградскую школу и Древнюю Грецию (рассказ «Лаокоон»); прозаический ленинградский сухогруз и африканский морской порт (рассказ «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”») и т. д. Показателен также, с точки зрения сведения в едином повествовании разномастных событий реальности и вымысла, рассказ «Маузер Папанина». Поводом к рассказу служит экспонат ленинградского Музея Арктики и Антарктики, что на углу Кузнечного и Марата, – «маузер самого Папанина». Дальнейшее повествование содержит ироническое описание эпизодов из жизни легендарной экспедиции. Стоит, однако, заметить, что при наличии подлинного персонажа и самого исторического факта существования полярной станции «Северный полюс – 1», именно упомянутой единицы хранения – маузера – в музее никогда не существовало.

«Байки скорой помощи» с точки зрения ленинградского хронотопа характеризуются четкой сосредоточенностью на пространстве города, которое здесь подано как сугубо бытовое (происшествия в коммуналках «Лиговки и Марата»; злоключения охраняющих старые питерские кладбища милиционеров, что по иронии судьбы заканчиваются в психушке или реанимации). Благодаря повествовательной прикрепленности к кратким авторским ленинградским упоминаниям (например, «был в Ленинграде вполне известный актер Зиновий Каморный» (рассказ «Артист») [2, с. 283], «С тех пор как большевики разогнали Смольный институт, в Ленинграде всегда наблюдался переизбыток старых дев» (рассказ «Искусана животным») [2, с. 309] и т. п.), текст обретает свои «генетические корни», свою «питерскую прописку», вследствие чего рассказываемое получает особую семантическую окраску, состоящую в соотношении условной достоверности повествования с реальными фактами, событиями, именами, что и вызывает интерес как нечто имеющее отношение к не официальной, а народной, всегда более увле-

кательной истории города. Сама уникальность ленинградского хронотопа еще и в том, что это исконно петербургское пространство, которое переживает советские времена.

В текстах М. Веллера место и время при формальном сопоставлении соответствуют городским реалиям (никто же не возьмется оспаривать существование в городе Эрмитажа или достоверность событий блокады в годы войны). Тем не менее, именно веллеровский хронотоп Ленинграда (в отличие от довлатовского) иллюзорен, если не сказать призрачен. Ленинградский антураж в рассказах М. Веллера очень часто выполняет функцию лишь повода для повествования, выступая в роли хороших добротных цветных декораций, которые можно оперативно менять местами, располагать в разной последовательности в зависимости от потребности в этом рассказчика. Пространство подобно колоде карт, где значение каждой неизменно, но при каждом конкретном раскладе (последовательности) их расположение имеет результатом новое, дополнительное значение. Так и со временем, при формальном наличии конкретных дат, исторических событий, конкретных лиц и действительно существовавших людей (Д. И. Папанин, Моше Даян, Александр Штейн и др.), общая хроникальная картина адекватна ленинградскому контексту советской эпохи, но течение времени в веллеровских рассказах подчинено логике полуполюбопытного, мифологического пространства и пропитано иронической ностальгией: «И была же, была Великая Империя, алены стяги в громе оркестров... и гордость державной мощью вздымалась в гражданах» [2, с. 191], «Как жили! Братцы мои, как же мы хорошо жили! Водочки выпьешь, колбаской с батончиком белым закусишь, сигаретку закуришь...» [2, с. 107]. Сама атмосфера пространства становится благодатной средой для появления слухов, легенд, баек: коммуналки, подворотни, медицинские учреждения, солдатские казармы, студенческие общежития, различные учебные заведения, рестораны и кафе, музеи, таможня и т. д. Причем писатель умышленно мифологизирует создаваемые им топосы, ориентируясь на правдивый вымысел. Поскольку время и пространство зыбко, эфемерно, соответствующие качества передаются их обитателям.

В заключение подчеркнем, что хронотоп в «Легендах Невского проспекта» есть даже не попытка отразить подлинную действительность советского Ленинграда определенного исторического периода – Веллер стремится к такому способу общения с Ленинградом, когда порядок вещей реальных и вымышленных подчиняется прихотливой воле сочинителя. Он мало претендует на строгую достоверность фактов и не боится быть уличенным учебником истории, потому что создает свое собственное время-пространство уже несуществующей советской эпохи, говоря о ней как о далеком, потерянном, но, несмотря на все оговорки, замечательном, как и все утраченное, времени. Хронотоп того Ленинграда необходим писателю для того, чтобы показать уникальный феномен абсурдности советской эпохи. Поэтому время и пространство у М. Веллера стоят не на службе достоверности, а призваны стать непротокольной историей, демонстрирующей дух эпохи. Рассказанные легенды вызывает у читателя смех, в котором скрыт извечный вопрос гоголевского персонажа: «Над кем смеетесь?..» Веллеровское ленинградское время-пространство существует в альтернативной интерпретации эпохи через призму мифа, легенды, анекдота, а текст строится на зыбкой границе между действительностью и ирреальностью.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975.
2. Веллер, М. И. Легенды Невского проспекта (сборник рассказов) [Текст] / М. Веллер. – М. : АСТ, 2002.
3. Гудкова Е. Ф. Теоретические аспекты анализа пространственно-временных (хронотопа) ориентаций художественной литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://guuu7.narod.ru/Hronotop.htm>
4. Синдаловский, Н. А. Призраки Северной столицы [Текст] / Н. А. Синдаловский. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007.
5. Топоров, В. Н. Пространство и текст // Текст, семантика и структура. – М., 1983.